

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается специальный тематический выпуск нашего журнала, приуроченный к 100-летней годовщине образования Советского Союза. Подлинное содержание и историческое значение данного события невозможно оценить, ограничиваясь только рассмотрением внутренних экономических, социальных и политических причин и предпосылок установления в России советской власти. Невозможно прежде всего потому, что его подлинное содержание и историческое значение не ограничивались одной Россией, а имели по-настоящему мировой охват. Как и любое эпохальное событие, образование СССР предстает одновременно как конец и как начало. Оно стало логическим следствием и итогом целой череды драматичных потрясений, ознаменовавших начало XX века, событий как объективного, так и субъективного характера. Но оно же открыло совершенно новую страницу в истории международных отношений. Для того чтобы приблизиться к пониманию этого противоречивого феномена, представляется целесообразным погрузить его в более широкий исторический и мирополитический контекст, посмотреть, как он был воспринят ведущими державами своего времени и новыми акторами, возникшими на пространстве бывшей Российской империи. Именно этой цели посвящены статьи, собранные в данном выпуске.

Представленный номер и сам может рассматриваться как своеобразный историографический феномен, поскольку содержит интересный срез мнений и взглядов, характерных для современной российской исторической науки, когда речь заходит об оценке причин, содержания и последствий процессов, запущенных Октябрьской социалистической революцией.

Открывает выпуск статья кандидата исторических наук Е.В. Романовой (МГУ имени М.В. Ломоносова), в которой как раз предпринимается попытка вписать образование Советского государства в широкий контекст экономических и политических трансформаций, порожденных Первой мировой войной. В тексте проанализированы как политико-идеологические аспекты отношений Советской России/СССР с западными странами, так и перипетии их взаимодействия по вопросам послевоенного восстановления. Показано, что динамика этого взаимодействия отличалась крайне сложным и противоречивым характером, поскольку была обусловлена взаимоисключающими императивами, разнонаправленными интересами различных стран

и политических группировок внутри них, отравлялась взаимными подозрениями и обвинениями. В результате хотя де-факто Советский Союз и стал важным элементом Версальско-Вашингтонского порядка, он так и не был окончательно в него интегрирован.

Подобный итог стал следствием не только взаимного недоверия (вполне обоснованного), которое испытывали друг к другу руководство западных стран и лидеры большевиков, но в том числе разногласий внутри самой большевистской партии относительно стратегии выстраивания отношений с капиталистическим окружением. Как показывает исследование доктора исторических наук А.Ю. Ватлина (МГУ имени М.В. Ломоносова), эти разногласия очень ярко проявились в тот момент в деятельности Коммунистического интернационала и, в частности, в отношениях между большевиками и Коммунистической партией Германии. Речь идет о противоречивом сочетании инерции настроений «бури и натиска» первых послереволюционных лет, которые воплощались в продолжавшихся попытках лидеров Коминтерна разжечь пожар мировой революции и в западных странах, и новых политических веяний, связанных со становлением политики мирного сосуществования. В статье подробно рассмотрены перипетии взаимодействия руководства Коминтерна с различными течениями внутри КПП в 1922 г. для выработки общей позиции в контексте подготовки и проведения Генуэзской конференции. Особое внимание уделено политике единого рабочего фронта.

Участие советских представителей в ключевых международных конференциях, проходивших в 1922 г. и призванных содействовать стабилизации нового послевоенного порядка, подробно проанализировано в статье доктора исторических наук Е.Ю. Сергеева (Институт всеобщей истории РАН, РГГУ). Как отмечает автор, накануне и в ходе конференций в Генуе, Гааге и Лозанне развернулась своеобразная дипломатическая дуэль между представителями Советской России и Великобритании. Лидеры большевиков были заинтересованы в получении экономической помощи от стран Запада, необходимой для восстановления страны от разрухи, порожденной событиями Первой мировой и Гражданской войн, но при этом не собирались отказываться от продолжения курса на мировую революцию. Британские элиты в свою очередь рассчитывали обещаниями полного дипломатического признания советского режима добиться от него максимальных уступок по вопросам торговли и погашения внешней задолженности. И хотя в рамках этого противостояния ни одной стороне не удалось в полной мере реализовать все свои планы, оно

внесло важный вклад в процесс выстраивания диалога между государствами Запада и новой властью в России, открыв возможности для постепенного перехода от логики непримиримой конфронтации к попыткам конструктивного взаимодействия.

Во многом схожая динамика была присуща отношениям между Советской Россией и Францией. Как отмечает в своем исследовании кандидат исторических наук И.Э. Магадеев (МГИМО МИД России), процесс консолидации советской власти и активность советской дипломатии на важнейших международных форумах затрагивали интересы Франции в целом ряде областей, особенно в Центрально-Восточной Европе. Этим обусловлено пристальное внимание, которое уделяли экономическому, политическому и военному развитию Страны Советов французские элиты. Оценки французских дипломатов и военных экспертов разнились: признание текущей слабости Советского государства соседствовало с прогнозами укрепления его экономического и военного потенциала в дальнейшем, которое не могло не отразиться на балансе сил в Европе. В этих условиях во французских элитах развернулась полемика относительно возможности «нормализации» большевистского режима и встраивания его в существующий порядок, которая в значительной мере предопределила общее направление и конкретное наполнение политики Франции в отношении СССР и в последующие годы.

Международно-политические процессы, развернувшиеся на пространстве бывшей Российской империи, привлекали повышенное внимание и американской дипломатии. Особое значение для США, как подчеркивает в своем исследовании доктор исторических наук В.В. Романов (ТГУ имени Г.Р. Державина), представляли вопросы национального самоопределения, поскольку администрация В. Вильсона выступила в тот момент с собственной амбициозной программой либерально-демократического переустройства послевоенного мира. При этом позиция американского истеблишмента относительно права тех или иных народов, ранее входивших в состав Российской империи, на самоопределение отличалась большим своеобразием и избирательностью. Особенно противоречивой оказалась политика США на российском направлении после прихода к власти большевиков: последовательное неприятие большевистских преобразований сочеталось в ней с нежеланием подстегивать сепаратизм национальных окраин, продиктованным боязнью неограниченной дезинтеграции России, превращения ее в зону непрекращающихся этнических конфликтов, что могло повредить интересам самих Соединенных Штатов.

Очагом такого рода конфликтов, как показывает исследование кандидата исторических наук Л.С. Гатаговой (Институт российской истории РАН), могли стать республики Южного Кавказа, провозгласившие свою независимость после распада Российской империи. Стремление к наиболее полной реализации принципа национальной самоопределения обостряло застарелые межэтнические распри, при этом ситуация дополнительно усугублялась повышенным вниманием, которое проявляли к Закавказью многие региональные и глобальные игроки. В этом контексте в статье разбирается ряд стереотипов относительно участия закавказских республик в образовании СССР, как бытовавших в советской исторической науке, так и утвердившихся в современной национальной историографии новообразованных государств Южного Кавказа.

Не менее сложные и противоречивые процессы, связанные со стремлением народов, входивших ранее в Российскую империю, к созданию самостоятельных государств, развернулись и в Прибалтике. С точки зрения понимания логики и динамики выстраивания отношений между прибалтийскими республиками и Советской Россией большой интерес представляет изучение перипетий мирных переговоров между РСФСР и Латвией в 1920 г., которые были подробно рассмотрены в статье кандидата исторических наук Ю.Л. Михайловой (Институт всеобщей истории РАН). Завершение переговоров, хоть и не означало окончательного урегулирования всех спорных вопросов, способствовало установлению мира в регионе, а также открывало возможности для активизации торговых контактов, во многом определив характер и содержание отношений между Советским государством и прибалтийскими республиками в последующие годы.

Таким образом, представленные в данном выпуске статьи охватывают по-настоящему широкий комплекс вопросов, позволяя лучше понять особенности международного положения Советской России в начале 1920-х годов, а также восприятия большевистского проекта ведущими мировыми державами. В то же время предлагаемый номер дает возможность составить достаточно полное представление и о подходах современных отечественных исследователей к оцениванию рассматриваемых драматичных событий начала XX века. В этой связи хочется надеяться, что данный выпуск будет представлять интерес как для широкого круга читателей, так и для специалистов, историков и международныхников, дав импульс для научной дискуссии. Мы же со своей стороны всегда будем рады предоставить площадку для открытого и профессионального диалога на страницах нашего журнала.

Желаем приятного чтения!